

Телефон в руке Лу Иня не переставал звонить.

Незнакомый номер — без подписи — снова и снова высвечивался на экране, и всякий раз Лу Инь сбрасывал вызов. В окружавшей их тишине звонки казались особенно навязчивыми — тем более что Тань Мо, упёршись одной рукой о подлокотник, загнал его в угол: спина вжалась в диван, отступать некуда.

Собственнический инстинкт у него был с детства. Тань Мо не умел делиться — только владеть. В детстве каждый новый друг Лу Иня отбивал у него аппетит, и тогда характер портился на глазах. Повзрослев, он научился прятать эти чувства — но именно в такие моменты маска слетала сама собой.

— Мне тоже интересно, кто там твой суженый, — произнёс он с насмешливой полуулыбкой, — если таковой вообще имеется. Если подумать — разве не я должен быть твоим мужем по праву близости?

Лу Инь упёрся ладонями ему в грудь, не давая приближаться.

На Тань Мо была лишь тонкая хлопковая футболка, и ткань не скрывала ровным счётом ничего: широкие плечи, узкая талия, и напрягшиеся под ладонями мышцы груди — упругие, плотные, до удивления осязаемые. За две жизни Лу Инь ни разу не касался мужского тела так близко. Инстинктивно он отдернул руку — но тепло чужого тела ещё долю секунды жило на кончиках пальцев.

Он слегка потёр подушечки пальцев.

— Значит, хочешь стать моим мужем?

Тань Мо навис над ним ещё ниже, не отвечая — только смотрел своими чёрными, как тушь, глазами: ни «да», ни «нет».

Лу Инь был почти уверен: нет. В прошлой жизни Тань Мо оставался натуралом от начала до конца — вся эта собственническая ревность не имела к влечению никакого отношения. Сам Лу Инь в принципе не терпел, когда кто-то пытался на него претендовать. Но они с Тань Мо так долго не виделись — как теперь не потакать ему в этих редких вспышках дурного настроения?

Как раз в этот момент телефон зазвонил снова. Лу Инь взглянул на экран и заговорил:

— Сун Хайнин на днях нашёл мне кандидата в мужа. Из праздной золотой молодёжи Цинхэ. С нечистыми помыслами.

Тань Мо скрипнул зубами, выхватил телефон и ответил на звонок.

Едва успело соединиться:

— Лу Инь, ты вообще считаешь меня своим отцом?! Ещё раз сбросишь — пожалеешь!

С Лу Инем он всегда так: разыгрывал строгого патриарха, а за спиной творил чёрт знает что — двуличный до мозга костей. Тань Мо смотрел на экран с каменным лицом, всем видом источая враждебность, и не дал ему договорить.

— Это кого тут воспитывают?

Они слишком давно не общались — Сун Хайнин и без того не слишком держал приёмного сына в памяти, голос его почти забыл. Лишь через несколько секунд дошло: на том конце провода незнакомый мужчина. Голос немедленно насторожился:

— Кто ты такой?

— Он спрашивает, кто я тебе, — Тань Мо обернулся и ткнул Лу Иня в плечо.

— Друг.

Тань Мо повернулся к трубке и спокойно обозначил территорию:

— Его парень.

Голос — намеренно низкий, расслабленный, без возраста:

— Только что услышал, что ты нашёл моему сокровищу жениха.

«Сокровищу» — он произнёс это слово с расстановкой, смакуя каждый слог, и в воздухе сама собой повисла пряная двусмысленность.

Лу Инь нахмурился. Чай выплеснулся через край кружки, намочил тыльную сторону ладони. Он невозмутимо потянулся за салфеткой, не отрывая взгляда от широкой спины Тань Мо.

Сун Хайнин помолчал, потом осторожно спросил:

— Из какой ты семьи?

— Не говори, — тихо предупредил Лу Инь.

Тань Мо не понял, зачем это нужно, но имени не назвал. Сун Хайнин долго расспрашивал, заходил с разных сторон — как познакомились, давно ли встречаются — и всякий раз наталкивался на уклончивые ответы. Молодой, а поди ж ты — когда надо, умел давить одним голосом. Расслабленным, с той особой небрежной аристократичностью, которую не сыграть. Сун Хайнин почуял: этот не из простых. Счёл за лучшее не рисковать, свернул разговор и повесил трубку.

Тань Мо пожал плечами, вернул телефон и извинился постфактум:

— Взял без спросу. Прости.

— Не беспокойся, я разберусь, — бросил Лу Инь, уже листая сыплющиеся сообщения. Одно из них его слегка позабавило — он чуть приподнял бровь.

— Что там? — спросил Тань Мо.

Лу Инь опустил телефон:

— Сун Хайнин написал. Просит меня...

— Просит?

Взгляд Лу Иня медленно скользнул по Тань Мо с ног до головы:

— Держать тебя про запас.

Тань Мо раздражённо фыркнул.

— Не знаю, сколько он выторговал у семьи Ли, — продолжал Лу Инь, — но от выгоды он отказываться не собирается. А заодно проверяет: верит ли, что у меня есть парень, — наполовину. Этим сообщением намекает: у мужчины может быть не одна привязанность.

— Мерзко звучит. Отличный экземпляр подонка.

— Можешь не волноваться, — Лу Инь поднял взгляд. — Если у меня когда-нибудь и будет кто-то — только один.

Цзян Боянь звонил Лу Иню снова и снова — трубку никто не брал, шли короткие гудки занятости. Клокотавшая внутри злость требовала выхода, и он набрал Сун Яна.

Едва соединилось, тот опередил его с заговорщическим видом:

— Я собирался рассказать тебе хорошую новость завтра, но раз уж ты позвонил — может, угадаешь сам?

— Какого чёрта угадывать! — огрызнулся Цзян Боянь.

Веселье с лица Сун Яна мгновенно испарилось.

— Что на тебя нашло? Ладно, не угадывай. Всё о том же — о Лу Ине. Папа нашёл ему мужчину. Объявят на моём дне рождения, через несколько дней.

У Цзян Боянь в ушах зашумело. Он с трудом удерживал лицо в покое.

— Кто он? — голос стал тише, тяжелее.

— Ли Сюань, — беззаботно отчеканил Сун Ян. — Неожиданно, правда?

Ли Сюань?

В полной тишине Цзян Боянь резко сел на кровати. Неожиданно — это мягко сказано. Он прекрасно знал, кто такой Ли Сюань. Только не он. Только не это.

Знал — точнее, они выросли вместе, с самого детства, не разлей вода. Но в старшей школе тот вдруг объявил семье о своей ориентации — скандал прогремел по всем верхним кругам. И дальше — хуже: сам ни от кого не отказывался, менял партнёров одного за другим, слыл записным гулякой. Мать Цзян Боянь, испугавшись дурного влияния, категорически запретила им общаться. С тех пор они и разошлись.

Репутация у Ли Сюаня была соответствующая — в их кругах его знали как отъявленного ловеласа. Не поверить, что Сун Хайнин, столько лет крутившийся в свете, об этом не слышал.

Но знал — и всё равно.

Сун Ян тем временем не умолкал:

— Папа хочет как можно скорее устроить обручение, а потом подобрать время для...

Ярость накатила с такой силой, что Цзян Боянь невольно перенёс её на Сун Яна.

— Лу Инь не согласится, — произнёс он как можно ровнее, хотя внутри уже всё рвалось на части, и только воли хватало держать лицо. — У него уже есть парень. Я сам видел на днях — они выглядели близко.

И даже в такой момент не забыл добавить:

— Судя по всему, очень достойный молодой человек.

— Папа только что звонил Лу Иню — и трубку взял как раз этот парень!

Цзян Боянь замолчал.

Новость ударила врасплох — с губ сорвалось крепкое словцо, и последние крохи самообладания рассыпались прахом.

Сам он Сун Хайнину не звонил — тогда кто?! У Лу Иня ещё один парень?! Или — неужели тот самый «братишка»? Какого чёрта он вечно лезет к телефону Лу Иня!

Что-то тяжёлое рухнуло на дно груди и осталось там. Бросив трубку, он провертелся в постели почти всю ночь, едва сомкнул глаза — а на следующий день, ближе к вечеру, явился в университет разбираться.

Но до Лу Иня дело не дошло. У входа в учебный корпус его поджидал незванный гость.

Ли Сюань — типичный бонвиван: яркая цветастая рубашка навыпуск, солнечные очки небрежно свисают с нагрудного кармана. Стоял у входа в корпус экономического факультета и нетерпеливо смотрел вверх. В руке — пышный букет алых роз, бросающийся в глаза издали.

Цзян Боянь узнал его сразу. В висках — ноющая боль от бессонной ночи. Иногда он сам удивлялся: с тех пор как в его жизни появился Лу Инь, всё как-то шло наперекосяк. Будто тот рождён был специально его изводить — настроение скачет, нервы на пределе, контроль над собой давно испарился.

Он подошёл с каменным лицом, встав перед Ли Сюанем:

— Чего пришёл?

Ли Сюань удивился, что тот вообще заговорил первым. Смерил его взглядом:

— За невестой.

— Совсем крышу снесло? — Цзян Боянь толкнул его в плечо. — Какая невеста.

Цзян Боянь был задирой по природе — кусал всех без разбора. Ли Сюань когда-то знал его достаточно хорошо, чтобы не обижаться, и потому спокойно сказал:

— Ты с Сун Яном дружишь — значит, уже знаешь. Помню, в средней школе ты говорил, что будешь моим шафером. Предложение ещё в силе?

— Шафером, — фыркнул Цзян Боянь. — Мне что, делать нечего?

Поворчал ещё немного, не объясняя, в чём дело. Ли Сюань подумал — и до него дошло.

— Я знаю, что у тебя с Лу Инем свои счёты, но отец велел — не могу отказаться. К тому же видел его нынешние фото. Полностью в моём вкусе. Слишком красивый. Брат, только не обижайся — красота победила дружбу.

Цзян Боянь слушал, стиснув зубы. Боковым зрением уловил: из корпуса выходит Лу Инь. Не думая, схватил Ли Сюаня за рукав и потащил прочь. Остановился, только когда вокруг никого не осталось. Разжал руку, хрустнул костяшками, расправил плечи — весь в этот момент был сгустком раздражения.

— У Лу Иня есть парень.

— Не слышал.

— Есть, — отрезал Цзян Боянь. — Лучше тебя. Высокий, красивый. Не лезь не в своё дело — Лу Инь не посмотрит на такого, как ты. Который во втором классе старшей школы уже по гостиницам таскался.

Ли Сюань вытаращил глаза:

— Ха?

Дурак он не был, и в сердечных делах толк знал. Одного взгляда на перекошенное лицо Цзян Боянь оказалось достаточно — всё и так понятно. Ли Сюань не удержался от злорадного смеха:

— Брат, так ты в Лу Иня влюблён?

— Чушь несёшь! — Цзян Боянь аж перекосялся. — С чего бы мне быть геем!

— Надо же, когда успел? — пробормотал Ли Сюань себе под нос.

— Я не люблю Лу Иня.

Он и правда так думал — искренне. Ни разу не влюблялся, понятия не имел, что это за чувство такое: когда боишься потерять и боишься не получить, когда сердце точно в кислоте плавает. Сказал так, как привык говорить раньше:

— Как я вообще могу любить этот тип?! Холодный как лёд!

Выпалив это, он сам как-то увял — огрызаться дальше не хотелось. Предупредил Ли Сюаня держаться от Лу Иня подальше и ушёл. Бродил за пределами университета, ни о чём толком не думая, не отвечая ни на чьи звонки. В конце концов позвонил Фу Наньши, который ещё восстанавливался, — вытащил его на ужин.

В тихом ресторане с располагающей обстановкой

Фу Наньши отложил приборы, не торопясь промокнул губы салфеткой и поднял взгляд:

— На душе что-то?

Цзян Боянь смотрел в никуда. Соврал:

— С чего ты взял.

— Ты правда думаешь, что от меня что-то утаишь? — Фу Наньши чуть приподнял бровь.

— Ладно. — Цзян Боянь отложил вилку и принялся мяться. — Значит... если, допустим, ты долго недолюбливал кого-то. Очень недолюбливал.

Тут же спохватился и добавил:

— Девушка. С детства терпеть не мог одну девушку. А тут все вдруг начали говорить, что это — симпатия. Ты думаешь... я её... люблю?